

Кукольник Нестор Васильевич

Сочинения драматические

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Сочинения драматические / Кукольник Нестор Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 576 с.

ISBN 978-5-519-91664-6

ISBN 978-5-519-91664-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТОРКВАТО ТАССО,
ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ,
ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ
СЪ ИНТЕРМЕДИЕЙ, ВЪ СТИХАХЪ.

—

(Писана въ 1830 и 1831 годахъ.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. С.-Петербургъ 23-го Іюля 1851 года.

Ценсоръ А. Фрейганъ.

ТОРКВАТО ТАССО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЬФОНСЪ д'эстъ, Герцогъ Феррары.

ТОРКВАТО ТАССО.

КОНСТАНТИНИ, Секретарь Альфонса.

СЦИПИОНЪ ГОНЗАГО.

ГАСКАНО.

ДЖУЛИО ГАСКАНО, сынъ его.

АВГУСТИНЪ МОСТИ, Смотритель за больницею Св. Анны.

ДЖУЛИО МОСТИ, племянникъ его.

ДИРАГО.

АНТОНИО, сынъ Корнеліи Серсале.

КЛАВДІЙ РИГИ, Римскій вратъ.

ПРИСТАВЪ за сумасшедшими.

МАРГЕРИТА, принцесса Мантуанская, невѣста Альфонса.

ЛУКРЕЦІЯ, Герцогиня Урбино

ЛЕОНОРА д'эстъ

} сестры Альфонса.

КОРНЕЛІЯ СЕРСАЛЕ, сестра Торквата Тасса.

БЬЯНКА, нянька ея дѣтей.

РОЗИНА, дочь Смотрителя за Феррарскимъ Герцогскимъ дворцемъ.

Князья и вельможи Италіи; Старшины Рима; Феррарскіе придворные кавалеры и дамы; три дочери Корнеліи Серсале. Римскіе благородные юноши и дѣвы; нищіе; сумасшедшіе; гости Августина Мости; Н.: геній Торквата Тасса; Германскіе путешественники; Римскіе Герольды; народъ Феррарскій и народъ Римскій.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СОРЕНТО.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домъ Корпеліи Серсале.

АНТОНІО, сынъ и **ТРИ ДОЧЕРИ КОРНЕЛІИ СЕРСАЛЕ** сидятъ при столѣ за книжками; возлѣ сидитъ няня ихъ, **БЪЯНКА**.

СЫНЪ. Скажи намъ сказку, няня!

БЪЯНКА. Полно, дѣти!

Пора учиться, день ужъ вечерѣтъ,
А вы двухъ словъ еще не прочитали....

СЫНЪ. Намъ что-то весело....

БЪЯНКА. А будетъ скучно,
Какъ маменька воротится домой
И спроситъ васъ, зачѣмъ вы не учились?....

Примѣчаніе. Торквато Тассо, можетъ быть, въ Исторіи
человѣческаго рода составляетъ единственный примѣръ,
до какого бѣдственнаго состоянія доводитъ неотлучное
присутствіе генія! Можетъ быть читатель моей фантазіи
не отыщетъ въ ней всѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ
можно смотрѣть на многостороннюю жизнь человѣка, ода-
реннаго — счастливѣйшимъ даромъ искусства и несчаст-
нѣйшимъ характеромъ; но, милый читатель, это не моя
вина. Я полюбилъ Тасса

Еще дитя, въ училищѣ, за книгой;

СЫНЪ. Тсъ! по лѣстницѣ стучатъ.... идутъ!

ВЪЯНКА.

Ага!

А я вамъ говорила: эй, учитесь!

—

ТЪ ЖЕ и ТАССЪ (одѣтый простолудиномъ, пошедъ, останавливается у дверей).

ВЪЯНКА. Кто это?.... Что тебѣ угодно?....

ТАССЪ.

Здѣсь-ли

Корнелія Серсале?....

Я съ нимъ росъ, съ нимъ возмужалъ, — и понятія мои о его жизни, постепенно развиваясь въ умѣ моемъ, начали совершенно противорѣчить понятіямъ общимъ; наконецъ образовали фантазію, которую любезный читатель, если ты одаренъ многотерпѣніемъ, читать будешь. Сознаюсь, первый камень фантазіи положенъ въ лѣта самой нѣжной юности: послѣдній, съ трепетомъ, положила рука моя въ то время суроваго опыта, когда мечтанія юности и всѣ пламенные стремленія жаркаго и усерднаго чувства охлаждаетъ — вопль нынѣшней критики. Въ пустынь нашей Литературы не видимъ каравановъ, богатыхъ числомъ и внутреннимъ достоинствомъ; напротивъ, въ Мекку литературной славы надо *прокрадываться* и во весь путь молить Аллу, да укроетъ одинокаго путешественника отъ хищныхъ изоровъ — невоздержной критики. Знаю, что этимъ сравненіемъ даю пищу досужей остротѣ литературныхъ наездниковъ: но что будетъ, то будетъ, а я пускаюсь въ путь и съ хладнокровіемъ ожидаю грозныхъ набѣговъ (1832-го г.)

—

(Отрывокъ изъ разговора, бывшаго въ 1828 году.) — *Авторъ*..... Тассъ, улыбающийся Альфонсомъ, умираетъ съ небесной улыбкой на устахъ; Леонора падаетъ къ подножію возвышенія; всѣ прочія лица, изъ важнѣйшихъ, окружаютъ Тасса, образуя полную картинную группу, закрывая глаза или отирая слезы; народъ, по призыву Альфонса и увлеченный собственнымъ чувствомъ горести, преклоняетъ колѣна; занавѣсъ падаетъ. — Вотъ полный планъ моей фантазіи! Нравится ли онъ вамъ?...

NN. Не скажу. Похвалу сочтете легкою; а бранить въ глаза, согласитесь, не всякому пріятно! Одно бы только

БЪЯНКА. Здѣсь; а что?....

ТАССЪ. Мнѣ нужно видѣться....

БЪЯНКА. Пошла къ вечерни;

Но копчилась, я думаю, вечерня;

Сей часъ придетъ. — Ты сядь и отдохни.

ТАССЪ (*садится у дверей.*)

Благодарю! — Какъ тихо здѣсь! Какъ будто

Живутъ не въ свѣтъ! Это чьи малютки?

БЪЯНКА. Корнелін Серсале....

желательно мнѣ знать: почему вы такъ жестоко нарушили Исторію? — Зачѣмъ ввели заязку плохую, ничтожную, тогда какъ жизнь вашего героя сама собою богата происшествіями, которыя бы кажется, удовлетворили всѣмъ требованіямъ новѣйшей драмы?!

Авторъ. Вижу, что я дурно изложилъ планъ мой въ этомъ отношеніи. Мнѣ хочется, чтобы всякой читатель догадался, почему я фантазировалъ такъ, а не иначе! Прочтите все, что писалъ Тассъ, и что писано о Тассѣ; сравните сказанія его историковъ, — вы сами согласитесь, что Исторія не всегда говоритъ правду, ибо для нея закрыты тѣ тайники страстей, куда свободно, какъ подъ волшебной шляпой Тикова Фортуната, перелетаетъ фантазія Поэта....

МН. Вы меня переговарите; въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но еще одинъ вопросъ, — не къ дѣлу, а такъ, изъ любопытства: кому вы посвятите свою фантазію?...

Авторъ. Кому? — Тому, кто жизнь мою украситъ
Простымъ вѣнцемъ, отъ сердца и души!
Кто въ тысячахъ моихъ стиховъ угрюмыхъ
Найдетъ одинъ, достойный похвалы,
И этотъ стихъ въ своемъ запрячетъ сердце,
И каждый разъ, когда я встрѣчусь съ нимъ,
Изъ сердца оный тотъ стихъ тихонько выветъ,
Покажетъ мнѣ и съ радостью примолвить:
«Ты написалъ, а я храню на сердце!» —
Ему иль ей я посвящу мой трудъ! —
Да съ тѣмъ стихомъ какъ съ факеломъ ночнымъ,
Съ начала до конца мой трудъ проходить —
Несетъ смыслъ фантазіи проникнетъ
Не правда ли, оный будетъ другомъ мнѣ,
А добрый стихъ святымъ кольцемъ союза!...

ТАССЪ. Боже правый!

Она ужъ мать; и четырехъ дѣтей,
Какъ жизнь свою, какъ радость, обнимаетъ;
А я еще на свѣтъ — сирота!

ВЪЯНКА. Ты не женатъ?

ТАССЪ. Не знаю!

ВЪЯНКА. Какъ не знаешь?

ТАССЪ. Ахъ! я имѣлъ прекрасную подругу!
Казалось мнѣ, что я былъ съ нею связанъ
Божественнымъ какимъ-то, высшимъ бракомъ;
Вся жизнь была — торжественная свадьба!
Мы каждый день другъ друга принимали
Въ горячія объятія... но не долго
Я тѣшился моимъ летучимъ счастьемъ....

ВЪЯНКА. Что жъ, умерла твоя жена?

ТАССЪ. О! нѣтъ!

Но улетѣла!

ВЪЯНКА. Это право чудно!

А какъ зовутъ твою подругу?

ТАССЪ. Слава!

ВЪЯНКА. Такого имени я не слыхала. —

Ты вѣрно иностранецъ?

ТАССЪ. Да! ты права!

ВЪЯНКА. А изъ какой страны?

ТАССЪ. О, изъ далёкой!

Но, впрочемъ, у меня есть двѣ отчизны:

ВЪЯНКА. Какъ двѣ?

ТАССЪ. Въ одной мое родилось тѣло,
Въ другой душа!

ВЪЯНКА (*отходя къ дѣтямъ въ смущеніи*).

Что это, Боже мой?

СЫНЪ. Кто это, няня, няня!

БЪЯНКА.

Сумасшедшій!

ДЪТИ (*въ испугъ прижимаясь къ Бьянкѣ*).

Ахъ! Боже мой, какъ страшно!

БЪЯНКА.

Успокойтесь!

Онъ ничего не сдѣлаетъ худаго,

Онъ только говоритъ не то, что надо!

ТАССЪ (*тихо*).

Часъ слишкомъ! Нѣтъ сестры. Она придетъ!

Мое письмо возьметъ изъ рукъ моихъ же,

Прочтетъ его и пожалѣетъ Тасса!

А я, спокойно стоя у дверей,

Въ лицѣ ея прочту всѣ впечатлѣнья, —

Какія на нее письмо навѣетъ.

Вотъ и она....

ТЪ ЖЕ и КОРНЕЛИИ СЕРСАЛЕ.

(Тассъ подходитъ къ ней и почтительно отдаетъ письмо.)

КОРНЕЛИЯ. Письмо! И отъ кого бы?....

(Съ любопытствомъ развертываетъ письмо, читаетъ и заливается слезами; Тассъ бросается къ ней и обнимаетъ ее.)

ТАССЪ. Корнелія! Весь миръ меня оставилъ,

Я самъ себя оставилъ, но въ слезахъ

Моей сестры я снова возродился!

Я снова не одинъ на этомъ свѣтѣ!

Родители, отечество, друзья,

Весь міръ, вся жизнь въ тебѣ совокупились,

Чтобъ воскресить хладѣющаго Тасса!

КОРНЕЛИЯ. Мой братъ!

ТАССЪ.

Не говори, не говори!

Я весь въ жару, какъ въ первый депъ восторга,
Которымъ жизнь меня благословила.
Дай высказаться пламенному чувству!

Но что жъ скажу? Чувствъ много, мало словъ,
И тѣ, какъ наше счастье, слабы, бѣдны!
Что нашъ языкъ? — печальный отголосокъ
Торжественнаго грома, что въ душѣ
Гремитъ святымъ, какимъ-то мощнымъ звукомъ!
— Но ты молчишь? ты съ горькимъ состраданьемъ,
Какъ на безумнаго, на Тасса смотришь?
Безумный! Да! — О если бѣ ты могла
Безумье то почувствовать въ себѣ,
Которымъ я всю жизнь мою терзался!
Вообрази блистательное солнце:
Вокругъ него чернѣютъ тучи; громъ
Катается въ тяжелой атмосферѣ,
И солнце то, — что жаркими лучами
Моглобъ весь свѣтъ обрушить въ груди непа —
Презрѣнныя затягиваютъ тучи!....
При всемъ желаніи благотворить
И согрѣвать существованье міра, —
Оно должно смотрѣть на разрушенье
И помощи своей подать не можетъ!
О, такъ и я, въ сообществѣ людей,
Стоялъ, какъ солнце, въ мрачныхъ, черныхъ тучахъ;
Куда я лучъ любви ни посылалъ,
Какъ отъ скалы онъ быстро отражался,
И, — возвратясь ко мнѣ, — мою же грудь
Жегъ пламенемъ позорной неудачи!
Ты не жила на свѣтъ!.... Поживешь!....
Узнаешь ты, какъ люди черны, злобны;
Какъ сердце ихъ упитано порокомъ;